

Психологический смысл понятия «компенсация» в истории науки и в современных исследованиях

Н. Е. Харламенкова

С целью обозначения предметов и их признаков, а также описания, объяснения, обоснования полученных в ходе исследования фактов, закономерностей ученые используют научные понятия.

Понятие, как утверждал известный русский философ и историк философии В. Ф. Асмус, входит в состав суждения о каком-либо явлении; кроме того, понятие «выступает как мысль, выражающая результат, итог научного знания и исследования на данном этапе познания» (Асмус, 1969, с. 282). Понятие может обозначать предмет, его свойство или отношение между предметами, каждый раз являясь «мыслью о признаках», прежде всего о существенных признаках изучаемого предмета или явления.

О необходимости развития научной мысли, выраженной в виде понятий и категорий, писал П. В. Копнин – российский и украинский советский философ, автор научных работ по теории познания, методологии и логике науки. Он утверждал, что понятия и категории определяют направление мыслительной деятельности, ее границы, допустимые формы осуществления. «Движение мысли может застопориться не потому, что оно определяется категориями, а, наоборот, потому, что отсутствуют категории, которые в сложившейся научной ситуации могут определить возможный путь развития мысли, способ синтеза данных опыта и понятий» (Копнин, 1974, с. 465). Рассматривая регулирующую роль *философских категорий* – категорий диалектики, Копнин подчеркивал, что они не ограничивают

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0007.

свободу творчества ученого, но при этом оставляют его в пределах научно-теоретического мышления. Содержание понятий конкретных наук и философских категорий отражает, по мнению Копнина, уровень науки своего времени и должно изменяться по мере развития научного знания.

Для *специальных наук* разработка наиболее общих понятий – категорий – означает возможность взаимодействия с другими науками и составляет основу для обоснования наиболее общих методологических принципов исследования. «Вписывая в себя не только общее, но и особенное содержание разных наук, философские категории способствуют формированию общенаучной методологии, усиливающей взаимовлияние друг на друга различных частных дисциплин» (Анцыферова, 1988, с. 6). Одновременно с этим формирование понятийного аппарата конкретной науки основывается на получении новых научных данных, наполняется новым содержанием и, в свою очередь, меняет отношение между философскими категориями и системой понятий специальных наук. В ряде случаев это отношение может достигать уровня противоречия и выступать серьезным препятствием на пути создания нового фундаментального знания, новых теорий. В связи с этим понятно, что «жизненна только та логическая основа науки, которая непрерывно пополняется новыми элементами, создающими возможность более эффективного влияния на познавательный процесс» (Копнин, 1974, с. 468).

Так же как и развитие наиболее общих категорий науки, формирование *понятий конкретной науки* тесно связано с появлением нового знания, требующего своевременного анализа и обобщения, научной категоризации. Для *психологии* эта задача оказывается наиболее важной, поскольку, как писала Л. И. Анцыферова, нечеткость границ между психологическими понятиями, их многозначность часто становятся предметом научных дискуссий. Кроме того, важно учитывать диалектичность психологического знания, определяемую спецификой понятий психологии, в которых отражается «текучесть, пластичность, постоянная изменчивость, напряженность, многокачественность явлений душевной жизни человека, основным способом существования которой выступает развитие» (Анцыферова, 1988, с. 6). На особенности развития и конструирования психологического знания, его категоризацию указывают и современные философы и психологи (Абульханова, Кольцова, 2017; Асмолов, Гусельцева, 2015; Знаков, 2016; Журавлев, Юревич, 2014; Лекторский, 2008; Максимова, Александров, 2016а, б; Пружинин, Щедрина, 2015; Сергиенко, 2016; и др.).

Разработка понятийного аппарата науки определяется системой методологических принципов и общепсихологических категорий и, по мнению М. Г. Ярошевского, является «коллективным творчеством и достоянием»; устойчивое, «инвариантное в категориях обуславливает то, что они действуют в течение длительного исторического периода, не только прошлого, но также настоящего и будущего... исторические исследования приобретают взамен „антикварного“ актуальное значение, позволяя психологу понять внутреннее родство своей мысли с мыслью прежних и грядущих эпох, и освобождают от „презентистской“ иллюзии» (Ярошевский, 1976, с. 14–15).

В истории развития психологии известны примеры введения в категориальный аппарат науки новых понятий, примеры уточнения или даже изменения содержания понятий, давно используемых учеными для обозначения тех или иных явлений и их признаков. Эта «подвижность» понятий и категорий науки означает динамичность научного знания, которое изменяется в соответствии с новыми запросами общественной практики и логикой развития конкретной науки.

Цель статьи — дать исторический экскурс в изучение феномена компенсации, продемонстрировать разнообразие подходов к толкованию компенсации, отразить современное состояние и перспективы изучения компенсации, определить содержание понятия.

Подходы к изучению компенсации в физиологии, психофизиологии, нейро- и патопсихологии

Явление компенсации широко известно в научном мире и находит свое объяснение в работах физиологов, медиков, психофизиологов, неврологов, нейропсихологов и др. Понятие «компенсация» используется для обозначения особого процесса, в ходе которого происходит возмещение одних, утраченных тканей, органов, функций, навыков за счет других органов, функций и т. п., сохранивших свою целостность и жизнеспособность.

По мнению В. П. Зинченко, отечественный физиолог А. А. Ухтомский видел в необратимости жизненных процессов не только негативные, но и позитивные последствия, одним из них является порождение нового (Зинченко, 2011, с. 238). Используя понятия «физиологический покой», «деятельное мгновение», «оперативный покой», Ухтомский показывает, что неравновесное состояние стремится к покою и гармонии, а также ко все новым и новым состояниям, порождению функциональных органов. «Оперативный покой есть готовность к действию, могущая устанавливаться на различные

степени высоты. Более высоко организованная способность к оперативному покою вместе и более организованная, срочная готовность к действию» (Ухтомский, 1978, с. 175). Это значит, что в относительном физиологическом покое необходимо усматривать компенсацию как преодоление неравновесного состояния и достижение баланса, а одновременно готовность к действию. Иными словами, компенсация, с одной стороны, направлена на преодоление дисгармонии, дисбаланса, а, с другой стороны, на реализацию новых форм жизнедеятельности, новых функциональных решений. «*Возрастающая дееспособность и возрастающая способность к оперативному покою — это две стороны одного и того же биологического достижения*» (там же, с. 175). Обнаруживая в компенсации не только преодоление неравновесности, но и особую энергию организма, направленную на расширение его возможностей, Ухтомский открывает в человеке ресурсы редукации возникшей неполноценности, функциональной несостоятельности, а также такие силы, которые он связал с понятием «духовного организма», личности и свойственным ей «преодолением материи, преодолением себя, претерпеванием, страданием» (Зинченко, 2011, с. 262).

Формулируя «закон о компенсации или замещении», В. М. Бехтерев определяет его как закон, «по которому всякое движение или какая-либо другая форма энергии, встречая то или иное препятствие для своего проявления, замещается другими движениями или другими формами энергии, представляющими в сущности тот же род движения» (Бехтерев, 1994, с. 319). Этот закон, пишет Бехтерев, является прямым следствием принципа сохранения энергии и встречается как в неорганическом, так и в органическом мире, в жизни отдельной личности и целых коллективов. Как и многие из его последователей, Бехтерев обращает внимание на различные дефекты и их компенсацию в виде развития других функций (например, на глухонемоту и ее компенсацию — развитие жестовой речи). Главное, что отмечает Бехтерев, — это возможность реализации процесса *сигнализации* и *символизации* как замещения утраченных или неразвитых функций. Сигнал рассматривается Бехтеревым в качестве условия коллективной деятельности, знака, побуждающего к деятельности, а также как средство согласования коллективной деятельности. Увлечшись поиском символов в разных сферах человеческой деятельности, Бехтерев, по существу, отождествляет компенсацию и символизацию, что, с нашей точки зрения, не совсем верно. Тем не менее, показывая, что замещение может происходить не только на уровне процессов одного порядка (например, замещения дефицита зрения разви-

тием слуховой чувствительности), но и на уровне разных по своей сложности процессов, Бехтерев подтверждает, что функционирование человека происходит *системно*, и разные уровни этой системы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Важно еще и то, что Бехтеревым отмечена *согласованность* первичного и вторичного (компенсаторного) процессов, в которой эффект замещения достигается только при наличии определенного (прямого или опосредованного символом) *сходства* между ними. До некоторой степени этот вывод подтверждается рассматриваемым им далее «законом зависимых отношений», который более детально объясняется на примере связи исторических событий и общественных явлений (Бехтерев, 1994, с. 331–345).

Обычно компенсация понимается как частный случай приспособительных функций организма, являясь реакцией на повреждение. П. К. Анохин, исследуя механизмы компенсации, показал недостаточность для их изучения декартовой «рефлекторной дуги» и ввел дополнительное звено в схему рефлекса — постоянно действующую обратную афферентацию. Предлагая свой подход к решению проблемы компенсации, Анохин формулирует несколько вопросов, которые касаются того, как происходит оповещение организма о наличии дефекта, какие конкретные физиологические механизмы участвуют в процессе компенсации, на основе какого механизма дается информация о завершении процесса восстановления нарушенных функций. По Анохину, ни одно рефлекторное действие, возникающее в ответ на поступающий сигнал о дефекте функции, не может привести к полезному результату без *обратной афферентации*. «Только при этом условии, — пишет Анохин, — т. е. при наличии постоянной обратной афферентации, сопровождающей, как эхо, каждый рефлекторный акт, все натуральные поведенческие акты целого животного могут возникать, прекращаться и переходить в другие акты, составляя в целом организованную цепь целесообразных приспособлений к окружающим условиям» (Анохин, 1979, с. 317). Согласно данному подходу, принципами компенсации нарушенных функций являются: 1) принцип сигнализации дефекта — реагирование нервной системы на нарушение нормальной жизнедеятельности организма; 2) принцип прогрессивной мобилизации компенсаторных механизмов — актуализация значительных резервных возможностей организма, превышающих степень дефекта; 3) принцип непрерывной обратной афферентации от последовательных этапов восстановления нарушенных функций — контроль и регулирование компенсации на всех ее этапах; 4) принцип санкционирующей афферентации — закрепление, сохранение

в памяти условий, при которых наиболее успешно осуществляется то или иное действие, закрепление новых компенсаторных функций; 5) принцип относительной устойчивости скомпенсированной функции как возможность возврата прежних функциональных нарушений в результате действия сильных и сверхсильных раздражителей; допустимость декомпенсации (Анохин, 1955, 1979). Таким образом компенсация представляет собой процесс, в ходе которого постепенно, на основе корректирующей обратной афферентации и акцептора действия, позволяющего оценить точность и достаточность выполненных актов, происходит восстановление утраченной функции.

Давние и более современные исследования в области физиологии и психофизиологии (Александров, Сварник, Знаменская и др., 2017; Основы психофизиологии, 1997; Alexandrov, Grinchenko, Jarvilehto, 1990; Getzmann, 2012; Martinu, Monchi, 2013; и др.), в которых в той или иной степени ставится проблема компенсации, тесно связаны с изучением механизмов восстановления психических функций при различных нарушениях деятельности мозга (интоксикации, травмах, опухолях и др.) в области *нейропсихологии*.

В ставшей широко известной книге «Потерянный и возвращенный мир» А. Р. Лурия описывает случай младшего лейтенанта Льва Засецкого, который во время войны был ранен в левую теменно-затылочную область головы, потерял память, утратил привычные навыки и способность к обучению. Лурия, анализируя этот случай, описывает, как при невероятной воле и упорстве, человек, лишившийся возможности обращаться к своему опыту, тем не менее смог частично скомпенсировать потерю памяти развитием функции воображения. В многочисленных исследованиях Лурии показано, каким образом осуществляется компенсация утраченных или нарушенных функций; делается вывод о важнейшей роли «смысловой организации материала» для улучшения, например, мнестической деятельности. Наряду с этим отмечается, что в более тяжелых случаях, при выраженных патофизиологических факторах, компенсаторные механизмы, осуществляемые за счет смысловой организации материала, не способны восполнить утраченное (Лурия, 1974, с. 198).

Гипотеза А. Р. Лурии о том, что нейродинамика речевых процессов в ее развитии опережает нейродинамику двигательных процессов и поэтому возможна компенсация нарушений движений посредством речи, была подтверждена в ранних исследованиях Е. Д. Хомской, в кандидатской диссертации «Роль речи в компенсации нарушений условных двигательных реакций у детей» (1957) при сравнении детей с задержкой психического развития и детей-олигофренов. Компен-

сация нарушения движений с помощью речи оказалась возможной только у детей с задержкой психического развития.

Ю. В. Микадзе, обращаясь к проблеме компенсации работы поврежденных участков мозга и ссылаясь на исследования Э. Голдберга, выделяет «градуальный» принцип работы нейронных ансамблей мозга. Автор пишет, что в процессе онтогенеза образуются нейронные группы, которые начинают максимально реагировать на определенные внешние стимулы. Смежные группы также активируются в ответ на эти стимулы, но в меньшей степени. В исследовании выявлено, что компенсация возможна только тогда, когда при повреждении ведущей группы нейронов смежная группа нейронных ансамблей остается сохранной. Усиление с возрастом межполушарной и внутриволушарной специализации нейронных групп, затрудняет компенсацию. Поздно формирующиеся функции (речь) по сравнению с рано формирующимися функциями (перцепция) имеют преимущества в компенсации при повреждениях мозга. Можно предположить, указывает Микадзе, что «большие возможности компенсации речевых расстройств в детском возрасте обусловлены двумя факторами. Первый из них — невысокая степень дифференциации мозговых зон, когда специализация рядом расположенных отделов невелика, и они выполняют сходные функции. Это позволяет им взять на себя роль поврежденного участка. Второй — участие симметричных, правополушарных мозговых зон в речевой системе, которые могут взять на себя при определенных условиях несвойственную им функцию» (Микадзе, 2008, с. 150). Отмечается, что понимание того, в каком возрасте и при каких условиях эти факторы могут влиять на процесс компенсации нарушенных функций, является одной из задач нейропсихологии детского возраста.

В *патопсихологических* исследованиях специфика собственно психической компенсации дефекта обнаруживается наиболее очевидно. Так, рассматривая личностные особенности больного эпилепсией, Б. В. Зейгарник отмечает, что такие черты, как педантичность и аккуратность, выступают в качестве способа компенсации первичного дефекта, причем ему отводится роль не механического, автоматического совладания с дефектом, а способа, который вырабатывается *личностью* и которым она *овладевает* в процессе преодоления собственной неполноценности. Зейгарник в связи с этим пишет: «Для того чтобы компенсировать дефект, надо прежде всего выработать адекватные способы и средства его преодоления... надо не только найти способы преодоления дефекта, но и овладеть ими до известной степени свернутости и автоматизации. Навык освобож-

дает субъекта от контроля за исполнением действия и тем самым дает возможность перенесения ориентировки в более широкое поле деятельности» (Зейгарник, 1976, с. 78). Это означает, что участие *субъекта, личности* в процессе компенсации психических нарушений является обязательным условием успешности этого процесса.

На этом фундаментальном основании построено клинико-психологическое исследование патологии шизофренического и шизотипического спектра, которое было начато группой ученых — В. П. Критской, Т. К. Мелешко и Ю. Ф. Поляковым (1991) и продолжено в последующие годы (Критская, Мелешко, 1999, 2004, 2009, 2015; и др.). В целом при характеристике этой патологии была выявлена дефицитарность социальной направленности и социальной регуляции, типичная для обследуемой группы. Были выделены нарушенные стороны психической деятельности больных, а также анализировались сохраненные, которые могли стать основанием для спонтанного или произвольного восполнения дефицита социального общения, для адаптации в социуме. Используя данные обследования больных, Критская и Мелешко предложили оригинальную модель для выявления социально-адаптационных возможностей больных с юношеской малопрогредиентной шизофренией и показали, что социальной адаптации больных способствуют «ориентация на социальные нормы, относительно высокий интеллектуальный уровень, способность к произвольной регуляции и сознательному контролю своей деятельности, достаточно высокий уровень психической активности и общения» (Критская, Мелешко, 2015, с. 345). В том числе указывается, что достижение высокого уровня социальной адаптации невозможно без *активного участия* самого больного в реабилитационном процессе. При этом успех зависит от уровня рефлексивных способностей больных и их волевой активности, которые обычно благоприятствуют преодолению трудностей в общении. При выраженном дефекте оба эти компонента снижены и даже дополнительная стимуляция активности больного не приводит к положительному эффекту. Ссылаясь на работы Д. Е. Мелихова, Критская и Мелешко подтверждают, что в данном случае «речь может идти не столько о социально-трудовой компенсации дефекта, сколько об адаптации, приспособлении личности к дефекту...» (там же, с. 347).

В целом, как было показано выше, компенсаторные механизмы чаще всего рассматриваются с позиции их пользы. Однако может наблюдаться и обратное, когда компенсация начинает препятствовать преодолению трудностей, вызванных нарушением функции, подкрепляя дефект. В частности, в работах Е. Т. Соколовой важным

аспектом исследований стало изучение различных феноменов расстройства самоидентичности как защитно-компенсаторных искажений формирования личности и их вклада в развитие «фальшивого» представления о себе и других. Наряду с этим показана позитивная роль компенсации личностного развития и изменений самосознания, которая возможна, согласно Соколовой, при профессиональной поддержке пациента в процессе специально организованного воздействия (консультирования, психотерапии и др.) (Соколова, 2015).

Предположение об универсальности процесса компенсации подтверждается исследованиями, проведенными в области *дефектологии* и *специальной психологии*. Л. С. Выготский, обсуждая проблему компенсации в связи с анализом особенностей развития ребенка, имеющего физические недуги, указывал на неоднозначный характер их последствий. «С одной стороны, дефект есть минус, ограничение, слабость, умаление развития; с другой — именно потому, что он создает трудности, он стимулирует повышенное, усиленное движение вперед» (Выготский, 1983, с. 7). Из этого следует, что для дефектологии объектом исследования и анализа является не недостаток как таковой, а ребенок, страдающий этим недугом, поэтому «реакция организма и личности ребенка на дефект есть центральный основной факт, единственная реальность, с которой имеет дело дефектология» (там же, с. 7). По мнению Выготского, благодаря органическому *единству личности* другая способность принимает на себя функции неполноценного органа. Выготский использует понятия «преодоление» и «выравнивание», которые обозначают стремление личности к тому, чтобы справиться с нарушением внутренней гармонии, совладать с неприятными чувствами. Реагируя на проблему целостно, личность актуализирует особые силы, направленные на преодоление дефекта, недуга, спектр которых оказывается бесконечно разнообразным, а формы — причудливыми и неординарными; равные и подобные им, как говорил Выготский, не наблюдаются в «типическом развитии нормального ребенка».

Важно подчеркнуть, что компенсация, согласно Выготскому, может иметь два крайних исхода — победу и поражение. Исход зависит от многих причин, но в основном — от соотношения степени недостатка и богатства «компенсаторного фонда», который позволяет *замещать, надстраивать, выравнивать* недостаточное, а также от *социальной позиции* ребенка, которая и определяет направление компенсаторных процессов; судьбу личности решает не дефект, а его социальные последствия, социально-психологическая реализация. Более того, согласно Выготскому, сама компенсация приобретает со-

циальный характер, поскольку направлена «не на прямое восполнение дефекта, которое большей частью невозможно, а на преодоление затруднений, создаваемых дефектом» (Выготский, 1983, с. 14), на завоевание социальной полноценности, которая по существу и является целью «социальной компенсации».

В статье «Дефект и компенсация», включенной в качестве отдельной главы в работу «Общие вопросы дефектологии», Выготский обращается к феномену *сверхкомпенсации*, указывая на то, что всякое повреждение вызывает защитные реакции, которые являются гораздо более энергичными и сильными по сравнению с тем, что нужно для того, чтобы парализовать непосредственную опасность. Из неполноценности возникает сверхполноценность, дефект превращается в одаренность, талант. «Таким путем организм не только компенсирует причиненный ему вред, но всегда вырабатывает излишек, перевес над опасностью, приводящий его в более высокое состояние защищенности, чем то, которое у него было до возникновения опасности» (Выготский, 1983, с. 35).

Вопросы развития ребенка с различными аномалиями, теория и практика диагностики и восполнения утраченных или нарушенных функций остаются актуальными темами исследования в современной психологии и дефектологии (Басилова, 2015; Белопольская, 2016; Лубовский, 2006; Лубовский, Коробейников, Валявко, 2016; Щербак, 2014).

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сказать, что при ослаблении какой-либо функции или при ее дефекте организм реагирует на эту ситуацию целостно, селективно выбирая способы замещения дисфункции; в процессе компенсации могут участвовать функции одного или разных уровней; компенсация имеет процессуальный характер и может приводить к позитивному или негативному результату, а в отдельных случаях быть просто неэффективной. Активное участие личности в процессе компенсации дефекта является одним из главных условий его успешности.

Механизмы компенсации в исследованиях проблемы темперамента, общих способностей и личности

История психологии личности и индивидуально-типологических различий связана с длительным и комплексным исследованием проблемы устойчивых, формально-динамических свойств психики, личностных особенностей, а также с их изменением с целью приспособления к различным жизненным обстоятельствам. Закономер-

ным в связи с этим можно считать вопрос о том, каким образом люди, имеющие разные задатки, способности, свойства темперамента, могут достигать одинаковой результативности при выполнении одной и той же деятельности. *Б. М. Теплов*, исследуя проблему музыкальных способностей, доказывал, как недостаточно высокий уровень развития одних способностей может быть компенсирован совершенствованием других. Например, сравнивая между собой людей с наличием и отсутствием абсолютного слуха, Теплов замечал, что первые узнают высоту звука без каких-либо дополнительных усилий, легко и непосредственно; вторые же основываются на чувстве интервалов и «внутреннем пении» (Теплов, 1947, 128–129), но могут также безошибочно определять высоту звука, как и люди, имеющие абсолютный слух.

В исследованиях проблемы *темперамента* часто высказывается мнение о наличии тесной связи формально-динамических свойств психики и природных особенностей (Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын, В. М. Русалов и др.). Именно поэтому, как считается, темпераментальные особенности не могут быть изменены, но могут быть скомпенсированы.

Разрабатывая проблему индивидуального стиля деятельности, *В. С. Мерлин*, *Е. А. Климов* и другие исследователи подтверждают, что люди с разными свойствами темперамента способны адаптироваться к разным видам деятельности, ведь, как пишет Климов, «индивидуальный стиль есть индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49). Изучение индивидуального стиля деятельности продолжается и в исследованиях современных авторов (Толочек, 2015).

В *психологии личности* слово «компенсация» включено в систему основных понятий теории А. Адлера, К. Юнга, Л. Сонди и многих других известных ученых, представление которых об интересующем нас феномене подробно изложено в другой статье (Харламенкова, 2016). Кратко остановимся на этих исследованиях.

Для *А. Адлера* «постоянным стимулом развития психики индивиду» (Адлер, 1997, с. 41) является чувство неполноценности как переживание личностью своей неспособности, некачественности. Объясняя необходимость реализации компенсаторных механизмов, Адлер говорил о так называемом «принуждении к выравниванию», о совладании с неполноценностью. При этом он отмечал, что результат компенсации неоднозначен и зависит от выраженности у человека чувств

ва общности, или *социального интереса*. Адлер подчеркивал, что часто компенсация направляется не на улучшение способности, а на улучшение неудовлетворительного (связанного или вызванного дефектом) положения самого человека в группе окружающих его и более благополучных, по его мнению, людей. Такого человека влечет к всемогуществу, совершенству, богоподобию. «Очевидно, что в тот момент, когда достижение определенной позиции в группе становится главной целью человека, (сверх-) компенсация превращается уже в социально-психологическую проблему» (там же, с. 30). Исследования Адлера продемонстрировали, что причиной неполноценности может стать не только физический недостаток, но и негативная оценка со стороны другого человека либо его безразличие по отношению субъекту; при этом компенсация способна как снижать, так и усугублять чувство неполноценности.

В работах *Карла Юнга* компенсация рассматривается не просто как автоматическое восполнение недостаточности сознательных реакций за счет компенсаторной роли бессознательного, но как особая работа, *усилие*, которое должен сделать субъект для гармонизации психического функционирования, для того, чтобы соотношение между сознательным и бессознательным было *уравновешено* (Фрей-Верлин, 2004). Подчеркивая особый статус бессознательного по отношению к сознанию, Юнг писал: «Мы можем выдвинуть утверждение о том, что *бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием*»; при этом недвусмысленно употребляется «слово „компенсаторный“, а не слово „контрастирующий“, потому что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого — *Самости*» (Юнг, 1994, с. 240).

Выделяя в структуре личности сознание, личное и коллективное бессознательное, Юнг различает компенсацию, связанную с индивидуальной жизнью субъекта, и компенсацию, проявляющую себя на уровне коллективных образов. На уровне личного бессознательного компенсируются не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные субъектом; или выводы, не сделанные им вовремя; или аффекты, которые он себе не позволил; или критика, которую оставил при себе. На уровне коллективного бессознательного, писал Юнг, «мы можем, наконец, спокойно признать, что бессознательное продуцирует содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а для других, даже для многих и, может быть, для всех» (там же, с. 241). Компенсация с помощью коллективных образов называется *мифологической компенсацией*.

В концепции Л. Сонди компенсация представляет собой отдельную стадию, когда человек осуществляет развитие одних функций вследствие невозможности развития других. Считается, что подобная задача имеет локальное значение, ее решение позволяет переходить к другим, более сложным задачам. Сонди сделал попытку объединить различные направления глубинной психологии таким образом, что каждая из концепций соотносилась с определенной проблемой, которая возникает перед личностью в процессе развития. «Высшая ступень „homohumanus“ означает конечный пункт этого хода развития, которого, однако, достигают лишь немногие люди, и даже они время от времени отступают назад» (цит. по: Хут, 2004, с. 497). Каждый из этапов соответствует определенному направлению глубинной психологии. Первая фаза обозначена словом „partizipation“ (партиципация, проекция) и отражает идеи, развитые в работах И. Германа и Р. Шпица. Следующая фаза homo repressor, т. е. человека, вытесняющего и образующего симптомы, соответствует классическому психоанализу, т. е. тем проблемам, которые стали предметом изучения в работах З. Фрейда. Фаза homo potentator, т. е. человека, сверхкомпенсирующего свои чувства неполноценности стремлением к власти, по существу, была соотнесена с задачами индивидуальной психологии А. Адлера. Фаза homo individuator, т. е. стадия становления Самости, описывалась в терминах аналитической психологии К. Юнга, а фаза homo elector, т. е. человека, осознающего собственные возможности судьбы и способного свободно выбирать из них возможности существования, в терминах судьбоанализа Л. Сонди. И, наконец, последняя ступень, homohumanus, была поставлена в соответствие с «гуманистическим» или религиозным направлением психотерапии (концепция А. Мёллера).

Один из наиболее интересных подходов, разработанный Паулем Балтесом, состоит в том, что на каждом возрастном этапе целостность жизненного пути обеспечивается достижением позитивного баланса между потерями и приобретениями (gains and losses). Важную роль в этом процессе играют три жизненные стратегии — селекция, оптимизация и компенсация (Selection Optimization Compensation — SOC model — Baltes, 1997). Ограничение ресурсов (например, времени, энергии), присущее человеку, делает необходимым селекцию целей, поскольку не все возможности могут быть реализованы. Для достижения оптимального уровня функционирования в выбранной области субъект нуждается в приобретении, распределении и совершенствовании внешних и внутренних ресурсов, т. е. в оптимизации возможностей. Наконец, для перехода на другой уровень

функционирования и при столкновении с потерями, снижении доступных средств достижения цели необходимы процессы компенсации. Компенсация описывается следующими конструктами: замена привычных средств, использование внешних средств, в частности, помощи других, приобретение нового мастерства, новых ресурсов, активация неиспользуемых ресурсов, увеличение прикладываемого усилия, энергии, развитие способности распределять время, моделирование поведения успешных людей, способных к компенсации, игнорирование неоптимальных средств (Baltes et al., 1999).

Компенсация как актуальная проблема современных психологических исследований

Особенностью современных представлений о компенсации и ее роли в достижении личностью психологического благополучия является переход от исследования проблемы конкретной личности или группы людей, имеющих физические или психологические трудности, к необходимости их анализа в определенном контексте, без которого дать точный и верифицированный ответ на вопрос о компенсации как психическом феномене и понятии ответить уже не так просто. Ранее было показано, что в исследованиях А. Адлера, Л. С. Выготского, В. С. Мерлина, Е. А. Климова физический дефект или ограничения, связанные с индивидуальными особенностями человека, рассматриваются в соответствии с оценкой индивидом социального контекста, в том числе семейной и профессиональной среды. Тем самым раскрывается понятие социальной полноценности и социальной компенсации, обсуждается тема стилевых характеристик деятельности, благодаря которым человеку удастся преодолеть и восполнить недостаточность индивидуальных ресурсов. *Контекстуальный подход* в изучении компенсации — первое направление современных исследований этой проблемы.

В этой связи стало вполне уместно обсуждать возрастные различия в реализации модели Selection Optimization Compensation — SOC (Boker, 2013), ее использовании для изучения субъективного восприятия человеком процесса старения (Wurm et al., 2013), психологического благополучия (Teshale, Lachman, 2016) и др. Возраст можно соотносить с понятием контекста, с так называемым *возрастным контекстом*, поскольку он определяет общий смысл социальных условий, ресурсов и ограничений в развитии человека в тот или иной период жизни. Возрастной контекст тесно связан с характеристика-

ми группы людей одного возраста, по которым можно судить о ней как о социальной когорте.

Значительное число работ, посвященных компенсации, проводится с целью изучения жизненных ресурсов и возможностей человека пожилого возраста. Наибольший акцент делается на изучении механизма компенсации, к которому обращаются для поддержания уровня запоминания того или иного материала и уровня его воспроизведения (Garrett, Grady, Hasher, 2010), трудовой мотивации (Kooij, Bal, Kanfer, 2014), активности (Raw et al., 2012), здоровья и удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте (Wurm et al., 2013).

Вторым направлением современных исследований проблемы компенсации стало изучение специфики компенсаторных процессов при *переживании повседневного и травматического стресса*, вызванного стрессорами разной интенсивности. Выбранный ракурс исследования не случаен: он связан со спецификой психологических последствий воздействия на психику человека, прежде всего, интенсивных стрессоров. Одним из таких последствий является компенсация. Оказалось, что при тяжелых переживаниях психотравмирующего характера высока вероятность *сверхкомпенсации* негативных переживаний (при учете социальных и социально-психологических особенностей изучаемой выборки). Так, в диссертационном исследовании А. Н. Зеляниной (руководитель – М. А. Падун), проведенном на выборке мужчин (средний возраст – $37,05 \pm 1,83$), проходивших службу в Афганистане в период Афганской войны (1979–1989) и мужчин (средний возраст – $27,39 \pm 0,79$), участвовавших в I Чеченской войне (1994–1996), была обнаружена следующая особенность: личностный профиль участников боевых действий в Чечне по сравнению с ветеранами-«афганцами» оказался менее поляризованным. У ветеранов I Чеченской войны выявлен высокий уровень тревожности с ее отрицанием и вытеснением, следствием которых стали соматические нарушения, а также недостаточная уверенность в себе и сниженная способность к социальным контактам. В отличие от этой группы личностные особенности ветеранов-«афганцев» оказались иными: наблюдалась явно выраженная компенсация (сверхкомпенсация) негативных переживаний – ветеран оценивал себя как сильную, волевою, выдающуюся, уверенную в себе личность, имеющую уникальный жизненный опыт. Ветераны-«афганцы» демонстрировали строгую ориентацию на индивидуальные нормы, ценности и смыслы, склонность пренебрегать морально-нравственными требованиями социума ради достижения своих целей (Зелянина, 2013). Выявленные особенности были объяснены различиями в социаль-

но-политическом и идеологическом контексте, на котором разворачивались события Афганской и I Чеченской войн.

Явления компенсации и сверхкомпенсации были выделены как особые феномены, сопровождающие посттравматический стресс (ПТС), и в более ранних (Тарабрина, 2001, 2009) и в более поздних (Падун, 2017; Тарабрина, Хажуев, 2015; Хажуев, 2013; Харламенкова, 2016; и др.) исследованиях, посвященных изучению психологических последствий влияния на человека экстремальных факторов.

Исследование влияния на человека последствий травматического стресса раскрывает новые аспекты в изучении проблемы компенсации. Прежде всего, появляется возможность исследовать феномен гиперкомпенсации как признак преодоления негативных последствий интенсивного стресса, а также как особый механизм, благодаря которому личность становится способной к поступательному росту. Кроме того, компенсация травматических последствий стресса требует значительных ресурсов, исследовать которые не всегда удается при воздействии на человека повседневных стрессоров. Способность личности к перераспределению своих ресурсов, выбор такого способа компенсации, при котором достигается наиболее позитивный эффект, учет возрастных особенностей и таких временных параметров психотравматизации, как давность травмы и возраст, в котором человек был психически травмирован, – новые аспекты исследования феномена и механизма компенсации.

Третьим направлением исследования является анализ *компенсации как процесса* и выделение факторов, которые приводят к *позитивным* или *негативным* последствиям компенсации. Так, компенсация может рассматриваться как фактор стабилизации развития (например, в пожилом возрасте), поступательного или регрессивного развития. В последнем случае негативные последствия компенсации могут быть вызваны *неготовностью* человека к замещению собственной неполноценности преодолением себя в других видах деятельности, а также *отсутствием сходства* между компенсируемым недостатком и компенсирующей деятельностью. «Неэквивалентное замещение индуцирует напряжение и в конечном итоге может привести к эмоциональным срывам или к появлению патологически привычных действий, которые направлены на редукцию напряжения неспецифическим путем» (Харламенкова, 2016, с. 249).

Позитивным результатом компенсации недостатка является редукция вызванного им напряжения путем преодоления собственной неполноценности. Впоследствии можно наблюдать замещение самой компенсации другим процессом.

В связи с этим особый интерес в современной психологии вызывает феномен *посттравматического роста* (ПТР) как явления, которое возникает вследствие компенсации негативных последствий посттравматического стресса (Быховец, 2016а, б; Харламенкова, Журавлев, 2016). По-видимому, именно компенсация способствует трансформации симптомов ПТС в ПТР, когда человек, включая травматическое событие в историю своей жизни, признает его в качестве факта своей биографии и находит в нем не только негативные, но и позитивные стороны. Вследствие этого происходит «осознание ценности жизни, укрепление межличностных отношений», появляется «ощущение собственной силы», наблюдается «трансформация жизненных приоритетов, обогащение духовной и экзистенциальной составляющих жизни» (Быховец, 2016б, с. 452).

Проблема соотношения компенсации и ее последствий в виде последующей стагнации, развития либо регресса личности ставит вопросы о *степени* первичного дефекта (низкая, средняя, высокая) и о его *характере* (несоответствие природных особенностей человека условиям деятельности, физическая или социальная неполноценность, психическая травматизация и др.). Наличие разных мнений, например, относительно степени неполноценности или травмированности человека и ее связи с последующим поступательным развитием не позволяют ответить на этот вопрос однозначно. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что любая жизненная проблема должна быть изначально принята субъектом и оценена им с точки зрения необходимости компенсации возникшего чувства неполноценности, результатом которой, однако, может стать как личностный рост, так и стагнация или регресс (Александров, Сварник, Знаменская и др., 2017), причины возникновения которых требуют дальнейших исследований.

Компенсация как научное понятие в системе других понятий психологии

Краткий экскурс в историю изучения феномена компенсации позволяет дать его определение и выделить сущностные черты. *Компенсация* — *восполнение возникшего физического и/или психического дефекта (дефицита, недостатка) за счет возмещения утраченного сохранным.*

Понятием «компенсация» обозначают *системное* функционирование психических и психофизиологических процессов с целью осуществления *приспособительной* деятельности субъекта, а также выявления внутренних и внешних *резервов и развития* на основе

компенсаторной деятельности новых возможностей. Методологические принципы *системности и развития* лежат в основе теоретического обоснования феномена «компенсация». Отметим, однако, что компенсация осуществляется не автоматически, а обнаруживается субъектом, который оказывается чувствительным к возникшим проблемам (принимает «сигнал о дефекте»), способен его символизировать, выбирая пути восполнения имеющегося дефицита (*принцип субъекта*). Предметом компенсации является не любой недостаток, а только тот, который в данный момент (а в некоторых случаях и в последующем) не может быть преодолен прямым путем. Это 1) непреодолимый и неизлечимый физический дефект; 2) психический дефект как стойкая и малообратимая недостаточность; 3) чувство неполноценности, для преодоления которого в настоящем не хватает внутренних или внешних ресурсов; оно при этом могло бы быть восполнено со временем, если бы субъект смог ослабить значимость цели «здесь и сейчас».

Субъект может и не прибегать к компенсации, что, скорее всего, приведет к нарастанию степени тяжести дефекта; может неверно его символизировать или выбрать неадекватный способ его восполнения. Кроме того, как отмечали многие авторы, дефект может быть не «преодолен» в результате объективной невозможности его компенсации; при этом, однако, допустимо приспособление человека к «жизни с дефектом», принятие этой ситуации.

Сущностными признаками компенсации, таким образом, являются:

- *невосполнимый дефект*, его субъективная оценка, который не преодолим прямым путем (путем приложения усилий, научения, тренировки, развития и др.), но может быть компенсирован;
- *сходство* компенсируемой и компенсирующей деятельности (дефекта, функции и др.);
- *замещение* субъектом компенсируемой деятельности компенсирующей при условии достаточной *мотивации*, саморегуляции и контроля, приложения усилий;
- *чувство выполненности* утраченного.

Понятие компенсации следует отличать от других понятий. Так, *адаптация* это — приспособление, которое осуществляется без необходимости замещения одних функций (деятельности) другими; она происходит в границах нормального (повседневного) функционирования субъекта. Потребность в компенсации появляется в случае прямой невосполнимости функции и реализуется путем ее замещения другой

функцией (деятельностью). Компенсация не идентична *замещению* как психологической защите и предполагает преодоление негативной ситуации, вызванной неполноценностью личности. В основе замещения лежит не преодоление (сознательное или бессознательное), а избегание негативной ситуации (в частности замена недоступного объекта — доступным, неприемлемого действия — приемлемым). Понятие «компенсация» сопоставимо с понятием «усилие», однако, если последнее может предполагать прямое устранение проблемы (путем, например, совершенствования навыка, восполнения пробела в знаниях и др.), то первое включает в себя усилие по осуществлению замещения одной деятельности другой и ее подкрепления для достижения: 1) прямой цели замещающей деятельности и 2) опосредованной цели — компенсаторного эффекта.

При проведении категориального анализа понятий необходимо различать *компенсацию как механизм* и *компенсацию как процесс*. Компенсация как механизм описывается в терминах замещения и преодоления недостатка, часто на бессознательном уровне. Компенсация как процесс осуществляется субъектом и включает в себя не только момент замещения и преодоления недостатка, но и такие составляющие компенсации, как *восприятие субъектом* сигнала о дефекте и его символизация, *выбор* деятельности, сходной с компенсируемой, *мотивация* восполнения неполноценности. Компенсация как процесс характеризуется непрерывностью его протекания и предполагает переход компенсаторной деятельности в иные формы активности (например, гиперкомпенсацию, посттравматический рост и пр.).

Подводя итоги исследования истории развития представлений о компенсации как о научном понятии, следует сказать, что с течением времени его содержание практически не изменилось. Этот вывод можно сделать, однако, если иметь в виду только механизм компенсации, но не сам процесс. В этом случае оно включает в себя такие составляющие, как дефект (физический или психический) и замещение.

Современные исследования, однако, показали, что компенсация осуществляется не сама по себе, а личностью (субъектом). Именно личность символизирует дефект и способна выбрать разные способы его возмещения. Включение в схему рассуждений о компенсации реального актора показывает вариативность выбора и индивидуальный характер окончательного решения, т. е. зависимость этого решения от контекста и жизненного опыта человека. С. К. Нартова-Бочавер по этому поводу пишет, что «психика и личность — это живые систе-

мы, они с необходимостью обладают такими качествами, как сложность, множественность, темпоральность», а это означает, что «личность может развиваться по различным траекториям, вырабатывать компенсации и корректироваться» (Нартова-Бочавер, 2014, с. 36).

Расширение научного контекста, в котором в настоящее время происходит изучение компенсаторных процессов, анализируемых в психологии личности, клинической психологии и др. областях психологии, показывает новые возможности в исследовании психики человека как сложного и системного явления.

Заключение

Феномен компенсации в психологии представляет собой одну из наиболее актуальных научных проблем, изучение которой претерпевает изменение по мере развития науки и под влиянием новых запросов общества и социальных практик. Динамичность содержания понятия при устойчивости сущностных признаков предметной реальности, которая им обозначается, в полной мере доказывает его «живучесть» и необходимость обращения к нему при описании и объяснении психологических закономерностей.

В статье показано, что процесс восполнения утраченной или нарушенной функции сохранной функцией проявляет себя на разных уровнях психического, являясь основанием для формулировки теоретических положений (положение о компенсации и гиперкомпенсации в психоанализе З. Фрейда, А. Адлера и др.) и для объяснения ряда методологических принципов психологии — принципа системности, развития, принципа субъекта, личностного принципа и др. Возможность связать между собой разные уровни научного знания — эмпирический, теоретический и методологический, которая возникает при использовании того или иного понятия, доказывает его значимость для данной области знания и принципиальную незаменимость другими понятиями. Таким, как показало наше исследование, является понятие «компенсация», используемое разными науками, но именно в психологии получившее свое наиболее широкое и развернутое толкование, общий смысл которого существенно не меняется при переходе от анализа одного уровня функционирования психического к другому.

В этой устойчивости смыслового содержания понятия и сущностных признаков обозначаемых им явлений при одновременном сохранении возможности его дополнения новыми деталями видится особый статус научного понятия компенсации.

Литература

- Абульханова К. А., Кольцова В. А. Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–52.
- Адлер А. О нервическом характере. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Анохин П. К. Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование // Труды научной сессии по дефектологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955. С. 45–55.
- Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979.
- Анцыферова Л. И. Материалистическая диалектика и психологическая наука (Вместо предисловия) // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 3–21.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–45.
- Асмус В. Ф. Понятие // Избранные философские труды. Т. I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 281–300.
- Басилова Т. А. История обучения слепоглохих детей в России. М.: Эксмо, 2015.
- Белопольская Н. Л. Возможности современной оценки психической нормы и патологии: психологические критерии // Неврологический вестник. Журнал им. В. М. Бехтерева. 2016. Т. XLVIII. № 4. С. 74–76.
- Бехтерев В. М. Закон компенсации или замещения // В. М. Бехтерев. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. Гл. XXI. С. 319–331.
- Быховец Ю. В. Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 214–227.
- Быховец Ю. В. Проблема соотношения позитивных и негативных изменений после переживания травматического события // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 441–455.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т. А. Власовой. М.: Педагогика, 1983.

- Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Зелянина А. Н. Динамика индивидуально-психологических особенностей ветеранов боевых действий с различным характером военной травмы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Зинченко В. П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. М.: РОССПЭН, 2011. С. 231–271.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.
- Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психологическим основам научной организации труда, учения, спорта. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969.
- Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.
- Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Дефицит потребности в общении и особенности развития личности // Психологический журнал. 1999. Т. 18. № 3. С. 98–108.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихологический синдром в системном исследовании патологии психической деятельности // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 53–63.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихологический синдром шизофренического дефекта // Психиатрия. 2009. № 2 (38). С. 7–15.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008. С. 43–62.
- Лурия А. Р. Нейропсихология памяти (Нарушения памяти при локальных поражениях мозга). М.: Педагогика, 1974.
- Лубовский В. И. «Врастание в культуру» ребенка с нарушениями развития // Культурно-историческая психология». 2006. № 3. С. 3–7.
- Лубовский В. И., Коробейников И. А., Валякко С. М. Новая концепция психологической диагностики нарушений развития // Психологическая наука и образование. 2016. № 4. С. 50–60.

- Максимова Н. Е., Александров И. О. Экспериментальная методология как способ создания нового психологического знания в исследовании. Часть I // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 5–15.
- Максимова Н. Е., Александров И. О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть II // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 5–18.
- Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К. Развитие идей Л. И. Анцыферовой о методологии практической психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 35–45.
- Основы психофизиологии: Учебник / Отв. ред. Ю. И. Александров. М.: Инфра-М, 1997.
- Падун М. А. Тип привязанности и угрозы безопасности в супружеских отношениях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 96–115.
- Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивный реализм, или как возможна культурно-историческая реальность // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1 (43). С. 27–31.
- Сергиенко Е. А. Современная тенденция в психологии развития: переход к общим моделям // Мир психологии. 2016. № 1. С. 40–53.
- Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В., Хажуев И. С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 158–223.
- Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1947.
- Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Ухтомский А. А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.
- Фрей-Верлин К. Т. Аналитическая психология (психология комплексов) Юнга // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 184–265.
- Хажуев И. С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение в условиях чрезвычайной ситуации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Харламенкова Н. Е. Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 235–253.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности в трудах Л. И. Анцыферовой и современные представления о личностном развитии и посттравматическом росте // История отечественной и мировой психологической мысли: судьба ученых, динамика идей, содержание концепций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 369–378.
- Хомская Е. Д. Роль речи в компенсации нарушений условных двигательных реакций у детей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1957.
- Хут В. Судьбоанализ Леопольда Сонди // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 464–503.
- Щербакова А. М. Обращение к образу дома в психологической диагностике и реабилитации подростков с психическими заболеваниями // Культура и образование. 2014. № 3 (14). С. 97–102.
- Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1976.
- Alexandrov Yu. I., Grinchenko Yu. V., Jarvilehto T. Change in the pattern of behavioral specialization of neurons in the motor cortex of the rabbit following lesion of the visual cortex // Acta Physiologica Scandinavica. 1990. Т. 139. № 1–2. P. 371–385.
- Baltes P. B. On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization and compensation as foundation of developmental theory // American Psychologist. 1997. V. 52. № 4. P. 366–380.
- Baltes P. B., Baltes M. M., Freund A. M., Lang F. The measurement of selection, optimization and compensation (SOC) by self report: technical report, 1999. Max-Planck-Institut fur Bildungsforschung, Berlin, 1999.
- Boker S. M. Selection, optimization, compensation and equilibrium dynamics // GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry. 2013. V. 26. № 1. P. 61–73.
- Garrett D. D., Grady C. L., Hasher L. Everyday memory compensation: The impact of cognitive reserve, subjective memory, and stress // Psychology and Aging. 2010. V. 25. № 1. P. 74–83.
- Getzmann S. Handicapped due to age? Behavioral and electrophysiological correlates of speech perception of dichotically presented narratives in young

- and middle-aged listeners // *Journal of Psychophysiology*. V. 26. № 3. 2012. P. 132–144.
- Kooij D., Bal P., Kanfer R.* Future time perspective and promotion focus as determinants of intraindividual change in work motivation // *Psychology and Aging*. 2014. V. 29. № 2. P. 319–328.
- Martini K., Monchi O.* Cortico-basal ganglia and cortico-cerebellar circuits in Parkinson's disease: Pathophysiology or compensation? // *Behavioral Neuroscience*. 2013. V. 127. № 2. Apr. P. 222–236.
- Raw R. K., Kountouriotis G. K., Mon-Williams M., Wilkie R. M.* Movement control in older adults: Does old age mean middle of the road? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2012. V. 38. № 3. P. 735–745.
- Teshale S. M., Lachman M. E.* Managing daily happiness: The relationship between selection, optimization and compensation strategies and well-being in adulthood // *Psychology and Aging*. 2016. V. 31. № 7. P. 687–692.
- Wurm S., Warner L. M., Ziegelmann J. P., Wolff J. K., Schüz B.* How do negative self-perceptions of aging become a self-fulfilling prophecy? // *Psychology and Aging*. 2013. V. 28. № 4. P. 1088–1097.

Разработка понятия «психологическое здоровье» в российской психологии

М. И. Воловикова, Т. В. Галкина

Понятие «психологическое здоровье», впервые заявленное в докладе А. Маслоу (Maslow, 1950), в западной психологии не прижилось, а получило свое обоснование и развитие у российских психологов. Причем востребовано оно было во второй половине 1990-х, к настоящему времени получило широкое распространение, отразившееся во многих публикациях (Артемцева, Галкина, 2015; Воловикова, Галкина, 2014, 2016; Воловикова, Джидарьян, 2017; Галкина, 2013; Галкина, Артемцева, 2016; Джидарьян, 2016; Дубровина, 1998; Психологическое здоровье личности..., 2014; Шувалов, 2000, 2012; и др.).

Категориальный анализ понятия «психологическое здоровье» осуществлен И. А. Джидарьян (2016). Работа посвящена ответу на вопрос: не приводит ли появление этого термина к удвоению понятий? Автор обосновывает вывод о том, «что психологическое здоровье — не миф и не метафора, а реальная проблема современной психологии личности, связанная с такими аспектами ее наличного бытия, которые не охватываются и не совпадают с понятием «психическое здоровье» (Джидарьян, 2016, с. 152). И далее: «„Психологическое здоровье“ является парной категорией (здоровье/нездоровье), с его помощью реализуется принцип целостности (системности) человеческой психики. Психологическое здоровье/нездоровье личности — это одновременно и ее нравственное здоровье/нездоровье, важнейшим индикатором которого является совесть» (там же).

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО № 0159-2018-0002.